

Неделя - 1992 - кумиры
март (№ 11) - С. 17.

СЕРГЕЙ ПЕНКИН В МАНТО ИЗ ДЫМА

■ Он пел на дощатой эстраде московского парка и казался еще одной занозой сценического пола. Острый язык соблазнительно вылезал из пропасти рта... Исполнитель поддергивал широкую брючину вверх, как женщина дразняще-томительно тянет юбку к голове, обнажая соблазнительность. Икроножная нагота щекотала воображение отдельных зрителей. На мужчине было много одежды, которые он постепенно с себя срывал, и плоская блестящая шляпа, похожая на тарелку ударной установки. На лице, зарисованном гримом, выделялся некрашенный нос — нетронутостью, естеством.

Певца объявили «принцем Серебряным». В просторечии — Сергей Пенкин. Он исполнил песню на английском и «Оренбургский пуховый платок». Обе были с чужого плеча. Его голос переливался народными интонациями, урчал джазовой хрипотцой, утонченно рвался вверх и падал. Экстравагантно, вычурно, скандально...

Сергей Пенкин вышел на публику столичного Дворца спорта «Динамо» в меховом манто, в сопровождении дыма. Как напудренный, надушенный, искусственный цветок. Он снова пел что-то по-английски. Манерно двигался, строил глазки. В общем, обострял ситуацию до непонимания или снисходительных ухмылок...

Он балансирует на грани нормы, то и дело соскальзывая ногой в легкий намек на собственное несоответствие стандартам, чуждым его раскрепощенности. Так купальщики пробуют ногой воду, прежде чем утонуть. Он афиширует свое женоподобие с отчаянием палача, с уверенностью смертника. Слово знаменосец, который воспринимает эту миссию, как игру, трюкачество. Плащ за его спиной может реять голубым полотнищем, а может — американским флагом. «Здравствуй, Америка» ему поется вольготнее, чем, скажем, тот же «Оренбургский пла-

ток», который он исполняет, кажется, из озорства и чтобы голосом, роскошным, многодиапазонным, покрасоваться.

Он поет на французском, английском, итальянском. Он похож на пародиста, исполняющего дружеские шаржи на звезд зарубежной эстрады.

Сергей Пенкин родом из Пензы. Пензяк. Провинциализм человека раздваивает. Одна половинка пожизненно придавлена местом рождения, простотой происхождения. Другая, подталкиваемая талантом, задирает нос, петушится, маскирует комплекс. Талант выступает провокатором и жертвой одновременно. Между двух половинок личности свобода таланта защемлена.

Пенкин словно бы угнетен провинциализмом, который борется с самим собой. И последствия борьбы проявляются в манерах, репликах человека, когда он с пафосом самолюбца говорит, что закончил Гнесинку, что никогда не пел и не поет «однодневок», когда оставляет микрофон и пытается доказать, что поет «живьем». И голос, конечно, есть, но уже не столь оперной силы, как кажется, благодаря технике.

Хочется погладить певца по нервам и ласково попросить: успокойся, чужак, не надо ничего доказывать, не стоит выпендриваться, ни к чему эпатировать. Так бестолково, безвкусно используя свой дар. Тебя «кушают» за твой голос. Но ты сам унижаешь его блюдом, на котором подаешь. Этот имидж хорош для ресторанов, где собираются интуристы и отечественные прожигатели. Его облик действительно органичен облику ресторана — запудренного, задушенного, искусственного. Если это — удел «принца Серебряного», тогда предел его мечты действительно столичный Театр эстрады, где он, трогательно запинаясь о слова, благодарил зрителей за то, что пришли.

Алла ПЕРЕВАЛОВА.